

Соколов Александр Алексеевич

На суд присяжных

Роман в 3 книгах. Книга 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Алексеевич С.**
На суд присяжных: Роман в 3 книгах. Книга 1 / Соколов Александр Алексеевич – М.:
Книга по Требованию, 2023. – 139 с.

ISBN 978-5-519-74485-0

ISBN 978-5-519-74485-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ГЛАВА I.

М а т ь.

Петербургскій лѣтній сезонъ былъ въ полномъ разгарѣ. На половину пустой Петербургъ красился, чинился, разрывался, зарывался, чистился, перемещался. У Гостиннаго двора движеніе было необычайное. Кучки толпились у дилижансовъ, отходящихъ загородъ, и конно-железные вагоны, проѣзжая мимо, громко и неустанно звонили въ колокола, предупреждая стоящихъ на рельсахъ о грозящей имъ опасности попасть въ полицейскій „дневникъ приключеній“ подъ рубрику „раздавленъ“ или „сшибенъ“. У входовъ въ дилижансы толпились разносчики газетъ,—въ то время, къ которому относится мой рассказъ, явленіе еще новое въ Петербургѣ,—и предлагали на перебой новости дня въ видѣ Листка, Вѣдомостей и Газеты. Въ то время, еще приказъ Оберъ-Полицеймейстера не воспрещалъ рассказывать содержаніе, и разносчики придумывали ловкіе заголовки. Поссорятся гдѣ-нибудь два важныхъ лица, и ссора ихъ, какъ новость дня, перейдетъ на столбцы Газеты, Листка, Вѣдомостей,—разносчики кричатъ: „Достопримѣчательная ссора двухъ генераловъ“. Русскій народъ надоевъ на скандалъ, а потому пятачки летѣли въ мощну сочинителя клички обличительной замѣтки. Позднѣе, выклички эти были парализованы приказомъ Оберъ-Полицеймейстера, и теперь, для возбужденія любопытства въ проходящихъ росіянахъ, разносчики, убѣдаясь въ отсутствіи городо-

ваго, только спрашиваютъ другъ друга: „читалъ ты, какъ генераль-то генерала расчесалъ“? Услыша такой вопросъ, благодушный росіянинъ, тотчасъ вынимаетъ изъ кармана пятакъ и покупаетъ №. Прочтя его, и не найдя никакой ссоры, онъ ругается. И только спустя нѣкоторое время понимаетъ, что дѣйствительно тутъ есть ссора и, даже, генеральская. Статскій совѣтникъ Катковъ, защищая классицизмъ, побилъ (на словахъ, конечно), дѣйствительнаго статскаго совѣтника Краевскаго, отстаивающаго реальныя гимназіи.

Въ одинъ изъ дилижансовъ, отходящихъ въ Новую Деревню, вошла молодая особа, одѣтая просто, но прилично. Справившись о томъ, скоро-ли отойдетъ дилижансъ и получивъ въ отвѣтъ „си-минуть“! она уткнула свое лице въ книгу и ни о чемъ болѣе никого не спрашивала. Прошло „си-минуть“, нѣчто въ родѣ доброй четверти часа, кондукторъ свистнулъ, кучеръ крикнулъ, экипажъ скрипнулъ, пассажиры охнули и рейсъ начался.

У одной изъ дачъ на Каменно-островскомъ проспектѣ, молодая особа приказала остановить омнибусъ и, выйдя, скоро скрылась за заборомъ, хотя и рѣшетчатымъ, но густо заросшимъ разсаженною около него акаціею, гладко подстриженною садовникомъ-парикмахеромъ. Когда она переходила дворъ, направляясь къ флигелю, изъ сада вышелъ ей

на встрѣчу молодой джентельменъ, одѣтый весь въ бѣлое, въ легкой соломенной шляпѣ, съ тростью въ рукѣ.

Встрѣтаясь, они оба оглянулись во всѣ стороны.

— Откуда ты? спросилъ джентельменъ.

— Изъ города, отвѣтила молодая особа.

Джентельменъ хотѣлъ сказать что-то еще, но изъ сада выбѣжали двое дѣтей и онъ только свистнулъ. На свистъ вылетѣла стрѣлой желтая красивая собака и, оббѣжавъ джентельмена, вкопчила ему на грудь передними лапами. Джентельменъ за это вытянулъ ее тростью и направился въ домъ. Что касается дѣтей, то онѣ съ шумомъ, перегоняя другъ друга, подбѣжали къ молодой особѣ и, что-то спрашивая ее въ перебивку, вошли вмѣстѣ съ нею во флигель.

Дача, на которой произошла вся эта сцена, принадлежала одному изъ знатныхъ родовъ земли русской, хотя предокъ этого рода и перешелъ изъ татарской орды. Впрочемъ, дача эта отдавалась въ наемъ и на ней суждено было жить хотя и не простымъ смертнымъ, но все-же такимъ, *родъ которыхъ не доходилъ до монгольскаго нашествія на русскую землю.*

Дачу занимало семейство генеральши Бѣлокопытовой. Семейство было не большое и состояло изъ самой генеральши, сына ея Николая, служившаго въ одномъ изъ полковъ, и еще двухъ дѣтей генеральши, Вари и Миши, при которыхъ состояла въ качествѣ гувернантки, извѣстная уже читателямъ молодая особа, Серафима Николаевна Синецкая, „дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей“. Прислуга генеральши состояла изъ деньщика, находившагося при особѣ Николая, горничной, находившейся при особѣ генеральши, и кухарки, находившейся частью при кухнѣ, частью при дѣтяхъ, частью при гувернантѣ.

Дача, которую они занимали, была построена на барскую ногу, и хотя большой садъ былъ очень запущенъ, но за то небольшой цвѣтникъ предъ переднимъ фасадомъ дачи, т. е. „казовый“ конецъ, былъ „въ

ахтительномъ положеніи“, по отзыву деньщика, состоявшаго при особѣ Николая Григорьевича.

Утро. Гдѣ-то бьетъ шесть часовъ, а на дачѣ все уже поднялось на ноги. Горничная собрала на терасѣ чай и поминутно выбѣгаетъ на дорогу.

— Идутъ! идутъ!.. Трифонъ Герасимовичъ, идутъ!.. кричала она деньщику.

Трифонъ Герасимовичъ торопился съ самоваромъ.

По дорогѣ, въ бѣломъ пенъюарѣ, закутанная пледомъ, съ шерстянымъ платкомъ на головѣ, шла генеральша Бѣлокопытова. Марья Николаевна (имя ее) женщина высокаго роста и плотнаго сложенія. На видъ ей сорокъ два, сорокъ три года. Она хорошо сохранилась; на самомъ же дѣлѣ, она на цѣлые десять лѣтъ старѣе. Густые, черные волосы, зачесанные а la chinoise, имѣли самую крошечную просѣду на вискахъ. Бѣлое лице ее было полно и румяно. Дугообразныя брови, сходявшіяся почти вмѣстѣ, придавали сердитый видъ физиономіи; сѣрые глаза, смотрѣвшіе изъ подлбья, дѣлали эту физиономію еще мрачнѣе, а вѣчно поджатая нижняя губа снабжала это лице какою-то сердитою, никогда несходящею съ лица думою.

На самомъ дѣлѣ Марья Николаевна не была таковою, и только послѣдніе десять лѣтъ вдовства, измѣнившіе всю ея жизнь, измѣнили и весь ея характеръ и, даже, складъ ея физиономіи, до того веселой, открытой, беззаботной и отчасти страстной. И теперь еще неуходившаяся кровь, часто раздувала тонкія ноздри ея красиваго горбатаго носа.

Перемена, происшедшая въ ея жизни, была во истину трагическая. Это случилось въ зимнюю ночь. Мужа Марьи Николаевны по обыкновенію не было дома. Лихая тройка, управляемая лихимъ ямщикомъ, унесла лихого генерала, въ сопро-

вожденіи лихихъ товарищей и лихихъ красавицъ, за городъ. За городомъ лихая компанія произвела лихую попойку. Марья Николаевна въ время этой попойки полулежала въ своемъ будуарѣ, тускло освѣщенномъ карсельскою лампою. Возлѣ нее сидѣлъ господинъ, фizioномію котораго трудно было разсмотрѣть, такъ какъ она приходилась не *подъ*, а *надъ* колпакомъ лампы. Свѣтъ, выходящій изъ подъ колпака и освѣщавшій его фигуру, обличалъ въ немъ военнаго. Былъ-ли то адъютантъ генерала, былъ-ли то его сослуживецъ или воинъ другаго полка, насъ это никогда не интересовало. Шопоть и поцѣлуи ручались только за одно, что это не былъ родственникъ генеральши. Нѣкоторый беспорядокъ въ костюмѣ могъ засвидѣтельствовать также о томъ, что влюбленная пара совершенно не ожидала близкой грозы и безмятежно наслаждалась бесѣдою и поцѣлуями.

Вдругъ!..

Не пугайся, читатель. Хотя и раздался звонокъ, хотя въ домѣ и явился самъ генераль, но онъ былъ уже не страшенъ для генеральши, даже и въ ту минуту, если-бы бывъ внесенъ въ будуаръ, засталъ жену въ объятіяхъ друга.

Апоплексія пришибла генерала во время самаго разгара попойки, и лихая тройка доставила въ городъ одинъ только трупъ лихого бутылки.

Генеральша, конечно, упала въ обморокъ.

Черезъ шесть недѣль генеральша узнала, что генераль не оставилъ ей ничего, кромѣ дѣтей и долга. И если дѣтей было не много, за то долгъ былъ весьма и весьма солидный, и если онъ не равнялся долгу турецкой имперіи, то все-таки превосходилъ вдвое то, что заключалось въ имѣніи генерала. Къ крайнему-же прискорбію генеральши, въ самый день сорокоуста, объявленъ былъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ, и дѣла генеральши запутывались окончательно.

Впрочемъ, дѣло кончилось тѣмъ, что послѣ ликвидаціи у генеральши осталась деревенька, куда она и отправилась вдовство-

вать съ двумя малолѣтними дѣтьми, такъ какъ третій, за службу генерала, былъ опредѣленъ въ корпусъ. Извѣстный читателю военный отъ сопровожденія генеральши отказался, и съ горечью въ сердцѣ, но съ надеждами возвратиться снова въ свѣтъ, отправилась Марья Николаевна за нѣсколько тысячъ верстъ отъ блестящаго Петербурга въ тоску и скуку деревенской жизни.

Годы реформъ, годы броженія общества, генеральша провела въ деревнѣ, смутно понимая эти реформы и это броженіе, которыя, само собою разумѣется, не могли-же не коснуться до генеральши. Прежде всего реформа отняла даровую прислугу, въ видѣ дворовыхъ людей, а потомъ лишила рабочихъ рукъ, уничтоживъ не посильную барщину. Далѣе стало замѣтно уменьшеніе низкопоклонства, затѣмъ промелькнуло какое-то странное слово: „равенство“, потомъ раздалось: „къ мировому“! Вотъ все, что замѣтила генеральша.

Впрочемъ, въ суть дѣла генеральша не дерзала вникать, хотя ей стоило-бы только послѣдить, и она бы поняла эту суть непремѣнно. Природа не обдѣлила ее умомъ; но пустота жизни заѣла этотъ умъ, размѣнявъ его на мелочи.

Ради себя, ради подрастающихъ малютокъ и ради оканчивающаго „корпусъ“ сына, генеральша искала возможности вернуться снова въ свѣтъ, или правильнѣе въ Петербургъ. На досугъ, она снова сосредоточилась, мелочи ума снова собрала въ единую сокровищницу и поняла обязанности матери. Отъ одного она не могла отрѣшиться, это отъ свѣтской жизни, отъ жизни безъ труда. Понявъ обязанность матери, она, однако, направилась по протоптанной дорожкѣ и думала о своихъ дѣтяхъ не какъ о дѣтяхъ—гражданахъ отечества, а какъ о дѣтяхъ когда-то блиставшаго въ свѣтѣ генерала, и воспитывая ихъ, воспитывала не гражданъ, не работниковъ, а готовила ихъ *въ свѣтъ*. Чувство матери говорило ей только, что надо, во что-бы-то ни стало, добыть средствъ, средствъ и средствъ.

Въ погонѣ за средствами она натолкнулась на одну богатую сосѣдку. Въ уѣздѣ говорили, что сосѣдка миллионерша; но это, очевидно, преувеличивали, хотя сосѣдка была дѣйствительно женщина весьма богатая. Мужъ сосѣдки былъ князь; хотя сама сосѣдка не шла дальше простой дворянки, но по мужу все-таки была княгиня. Князь и княгиня жили въ Петербургѣ постоянно; но на короткое время каждое лѣто прѣзжали въ деревню, отдохнуть „отъ занятій“. У князей была дочь,—какая старая завязка, говорить читатель, — которая воспитывалась въ институтѣ. Сынъ генерала и дочь князя... миллионерша... и голодные зубы... Вотъ на чемъ остановилась Марья Николаевна.

Сообразивъ кое-что, она собрала всѣ свои сбереженія, а ихъ оказалось не мало и забравъ дѣтей укатила въ Петербургъ. Невскій, Большая и Малая Морскія мало измѣнились въ глазахъ Марьи Николаевны; все что она замѣтила новаго—это кругленькія вывѣски съ надписью: „мировой судья такого-то участка“. Само собою разумѣется, что она удовольствовалась вывѣсками и не заглянула въ камеры.

Къ счастью Марьи Николаевны, военный, отказавшійся отъ проводовъ ее въ деревню, занимать довольно видный постъ и „старому грѣшку“ протянулъ радушно руки. При его помощи Марья Николаевна снова вошла въ свѣтъ, и стала сближаться. Возвращеніе ее, конечно, не было особенно замѣченнымъ, но до поры, до времени она не хлопотала объ этомъ; вся ея цѣль была, пока, ходатайствовать о видномъ мѣстѣ для сына и опредѣлить подроставшую дочь въ тотъ институтъ, гдѣ воспитывалась дочь сосѣдей. Она „получила возможность надѣяться“ и на то и на другое.

Но обратимся къ разсказу.

Горячая крикнула: „идуть! идуть!“ Герасимычъ пыхтя внесъ, не менѣе его, пыхтѣвшій самоваръ, и оба они, т. е. Герасимычъ и горячая, остановились по сторонамъ стек-

лянной двери, которая вела изъ зала на террасу.

Скрипнула калитка и отворилась и на другой половинѣ ее очутилась генеральша.

Она шла медленно, но ступала довольно легко. На террасу въ шесть ступенъ поднялась не запыхавшись, но, тѣмъ не менѣе, довольно тяжело опустилась въ кресло и бросивъ руки по сторонамъ ручекъ, сильно вздохнула или правильнѣе слабо охнула. Отдохнувъ съ минуту, она придвинула кресло къ столу и быстро окинула его взоромъ. Скользя по предметамъ, находящимся на столѣ, онъ особенно долго остановился на каческой сухарницѣ и съ нее прямо перешелъ на деньщика.

Генеральша потянула сухарницу къ себѣ и стала считать.

— Въ десяти копѣйкахъ сколько грошей? спросила она деньщика.

— Извѣстно сколько... двадцать, Ваше Превосходительство.

— Двадцать, Ваше Превосходительство, повторила генеральша. А если каждый крендель стоитъ по грошу, то на двадцать грошей, сколько должно быть приобрѣтено кренделей? спросила она.

— Извѣстно сколько... двадцать, Ваше Превосходительство.

— Двадцать, Ваше Превосходительство, переговорила снова генеральша. А здѣсь... она начала считать: пара, двѣ, три...

Паръ оказалось восемь.

— Восемь паръ сколько составить?

— Извѣстно сколько... шестнадцать, Ваше Превосходительство!

— Шестнадцать, Ваше Превосходительство, а не двадцать.

Генеральша безмолвно протянула ему сухарницу и указала глазами и головою къ калиткѣ. Герасимычъ угромо взялъ корзину и, обидно заглянувъ въ колына генеральши, пошелъ за четырьмя кренделями.

— Кажинный день такъ, прорывъ поганые, ворчалъ онъ довольно громко.

Герасимычъ хорошо зналъ, что четыре кренделя похищены полугодными Варєю и Мишею, но сказать объ этомъ онъ не смѣлъ,

потому доказательствъ не было никакихъ, а „ребятишки“ воровали такъ искусно, словно они окончили курсъ въ одесской школѣ мазуриковъ.

По уходѣ Герасимыча, она послала горничную звать всѣхъ къ чаю. Едва горничная скрылась за дверь, какъ генеральша откинулась на спинку креселъ и съ какимъ-то воплемъ произнесла:

— Фу, какая пошлость!..

Фраза эта относилась не къ изчезновенію кренделей, а къ ихъ счету. Счетъ этотъ до глубины души возмущалъ генеральшу, но что было ей дѣлать, когда у нее каждая копѣйка была на счету, когда этотъ пошлый перечень былъ „вопросомъ жизни“.

Минутъ черезъ десять все общество собралось на террасу. Варя и Миша вошли скромно и скромно-же поцѣловали руку генеральши, произнеся полушопотомъ:

— Bonjour, maman.

Сержъ вошелъ развязно и поцѣловался съ генеральшею въ губы.

— Какъ спали? спросилъ онъ фамиллярно.

— Какъ всегда, отвѣчала генеральша.

Съ гувернанткою она не поздоровалась, а только спросила:

— Comment les enfants ont passé la nuit?

Получивъ удовлетворительный отвѣтъ, она глазами пригласила ее садиться къ столу.

Чай былъ отпить очень скоро. Гувернантка вышла изъ-за стола и направилась съ дѣтьми во флигель заниматься. Николай кликнулъ свою собаку и ушелъ на утреннюю прогулку, генеральша осталась одна на террасѣ. Горничная подала ей книгу, но, на этотъ разъ, генеральша читала не особенно внимательно, и, часто отрываясь отъ страницъ, по долгу смотрѣла черезъ цвѣтникъ на дорогу. Видимо, она ожидала кого-то.

Было восемь часовъ утра, когда къ калиткѣ подъѣхала одноконная колясочка. Генеральша тотчасъ-же привела себя въ порядокъ и, вставъ съ кресла, облокотилась на перила террасы.

Растворилась калитка и въ нее вошелъ

довольно солидный господинъ. Роста онъ былъ невысокаго, походку имѣлъ подкачивающую, лѣтъ за плечами насчитывалъ сорокъ семь или восемь и лице имѣлъ смуглое, обрамленное черною бородкою. Горбатый носъ, осыданный золотымъ пенсне, и вьющіеся черные волосы на вискахъ, изобличали въ немъ человѣка, принадлежащаго къ тому племени, которое нѣкогда было выведено Моисеемъ изъ Египта. Одѣтъ онъ былъ во все сѣрое. Сѣренкій этотъ человѣчекъ унаслѣдовалъ отъ своихъ праотцевъ то качество, что всегда „по морю ходилъ, ядо по суху“.

„Праотцы наши шли черезъ море по суху, и намъ то завѣщали“, говаривалъ всегда сѣренкій человѣкъ. Дѣйствительно, изъ всѣхъ прижимистыхъ обстоятельствъ, онъ выходилъ „сухимъ изъ воды“.

Звали этого солиднаго человѣка Абрамомъ Осиповичемъ; фамилію онъ носилъ Смуйловъ.

Едва переступилъ онъ порогъ калитки, какъ голова его уже обнажилась, губы и все лице сложилось въ сладкую улыбку, а глаза заискрились.

— Вашему Высочпревосходительству, говорилъ онъ, тая этотъ титулъ и подкачивая на ходу. Слово онъ хотѣлъ, чтобы слоговъ непремѣнно хватило отъ калитки до террасы, и съ этою цѣлью ихъ растягивая, онъ въ тоже время, при посредствѣ легкихъ скачковъ, какъ-бы ускорялъ свою походку.

Генеральша протянула ему руку.

— И Боже мой, Боже мой, какъ вы рано встаете, Ваше Высочпревосходительство!

Абрамъ Осиповичъ всегда и вездѣ немножко пересаливалъ. Мужикъ онъ говорилъ, вмѣсто любезный—любезнѣйшій, мѣщанину, вмѣсто почтенный—почтеннѣйшій, купцу говорилъ ваше благородіе, и т. д. И здѣсь, употребляя титулъ генеральши, вмѣсто превосходительства, что слѣдовало, даже, „по закону“, онъ прибавлялъ: „высоко“, хорошо понимая, какъ много значить это цовишеніе.

— Садитесь, Абрамъ Осиповичъ, сказала генеральша и опустилась въ кресло.

Абрамъ Осиповичъ сѣлъ на стулъ, поставилъ около себя шляпу и бросилъ въ нее свѣтлосѣрые перчатки.

— Какъ жарко, Ваше Высокопревосходительство.

— Ужъ и не говорите, отвѣчали ему.

Собесѣдники на минуту замолчали. Физиономіи ихъ приняли серьезное, дѣловое выраженіе, но разрѣшились ничѣмъ. Генеральша спросила только — „что новаго?“

Это часто бываетъ между людьми, ведущими дѣла, имѣющими нѣчто важное сообщить другъ-другу, или спросить другъ у друга. Съ одной стороны, боязнь узнать непріятное, а съ другой боязнь сдѣлать непріятное сообщеніемъ часто заставляютъ уклоняться въ сторону и, такъ сказать, пустить камнемъ изъ-за угла. Такая ужъ у людей политика.

На вопросъ генеральши: „что новаго“ Абрамъ Осиповичъ только поморщился.

— Ничего нѣтъ новаго, Ваше Высокопревосходительство, и тотчасъ-же добавилъ: деньги стали нынче дороги.

У генеральши отъ этого отвѣта заскребло на сердцѣ, камень, пущенный изъ-за угла, попалъ прямо въ цѣль.

— Совсѣмъ нынче денегъ нѣтъ, совсѣмъ!..

Генеральша смотрѣла на него съ недоумѣніемъ.

— Ну, а что-же наше дѣло? спросила она.

— Да это и къ нашему-то дѣлу подходитъ...

Генеральша засмѣялась, но очень подозрительнымъ смѣхомъ.

— Ну, наше дѣло не такое, Абрамъ Осиповичъ, пошутила она.

— Да недалеко ушло, Ваше Высокопревосходительство.

Оба опять замолчали. Генеральша перебирала пальцами бахрому на салфеткѣ, Абрамъ Осиповичъ для чего-то досталъ изъ шляпы перчатку, пощупалъ пуговицу и опять бросилъ ее въ шляпу.

— А я такъ на васъ надѣялась, Абрамъ Осиповичъ, я обратилась къ вамъ, какъ къ старому другу.

— Да я вѣдь что-же?.. Я ничего.. Я очень радъ, я со всею готовностію... Да вѣдь гдѣ-же взять-то?.. Я васъ благодарю за воспоминаніе о старой дружбѣ, но самъ ничего не могу. Къ тому, къ другому, къ третьему... Даютъ... Ну, а какъ скажешь подъ вексель — и губы надуешь... Недовѣріе нынче какое-то къ векселямъ странное. Все больше залоговъ требуютъ... Бланкъ свой предлагалъ... Вѣрьте Богу, Ваше Высокопревосходительство... Не даютъ... Конечно, мой бланкъ въ этомъ дѣлѣ ничего не значитъ... Я что? — нуль!.. Что съ меня взять.

Генеральша улыбнулась, и въ этой улыбкѣ сказалося, что бланкъ Абрама Осиповича штука весьма вѣская; что онъ, если и нуль, то около этого нуля съ лѣвой стороны стоятъ по крайней мѣрѣ пять единицъ.

— Нашелся одинъ очень хорошій знакомый... тоже старый другъ мой... Даетъ, но только проценты!.. Ай, ай, ай, ай, ай! Абрамъ Осиповичъ сжалъ голову руками и закачалъ ею во всѣ стороны.

— Какіе-же, какіе? живо спросила генеральша и всѣмъ корпусомъ подавалась впередъ.

— Даже не еврейскіе!..

— Какіе-же, говорите? торопила генеральша.

— Аптекарекіе, Ваше Высокопревосходительство.

Генеральша хотя и не имѣла точныхъ понятій объ аптекарскихъ процентахъ, но вспомнивъ, что на гривенникъ изъ аптеки отпускается такое количество свиного сала, котораго не хватитъ вымазать глаза, только что родившемуся котенку, въ ужасѣ отшатнулась. Ей представилось, что жирная свинья, стоящая до двадцати рублей, изъ аптеки будетъ продана не менѣе, какъ за четырнадцать тысячъ, а отсюда процентъ выросъ въ ея глазахъ такъ высоко, что

если-бы передъ ней была колокольня Ивана Великаго, то процентъ непременно заслонилъ-бы это громадное зданіе.

— И что это нынче за люди, что это за люди! говорилъ, между тѣмъ, Абрамъ Осиповичъ, и лице его омрачалось грустными думами о безчеловѣчїи человѣка.

— Во всякомъ случаѣ, мнѣ придется согласиться... Вы хорошо знаете мое имѣніе, мои связи, мои планы и мое положеніе...

— Это-то меня и заставляетъ ручаться, за васъ головою, Ваше Высокопревосходительство.

— Но говорите, какія-же условія?

— Тяжелыя... Десять процентовъ въ мѣсяцъ.

— Десять?!

Генеральша всплеснула руками.

— Да хорошо еще что не впередъ, сказано серьезно Абрамъ Осиповичъ.

Генеральша не выдержала и разразилась хохотомъ.

— Изволите смѣяться, Ваше Высокопревосходительство?

— Да какъ же иначе!.. Вы забываете, что я деньги беру на годъ, — на пять тысячъ капитала, процентовъ, по десяти въ мѣсяцъ, составится шесть тысячъ, и если взять ихъ впередъ, такъ вѣдь мнѣ придется возратить тотчасъ-же данныя мнѣ пять тысячъ да къ нимъ приложить тысячу свою собственную.

Сдобное брюшко Абрама Осиповича заковыхалось. Онъ сболтнулъ для запугиванія, а его осадили.

— Хе, хе, хе! засмѣялся онъ тихо. Быстро соображаете, Ваше Высокопревосходительство. Онъ замолчалъ нѣсколько сконфуженный.

— Такъ десять? переспросила генеральша.

— Десять, Ваше Высокопревосходительство.

— Не сойдемся, Абрамъ Осиповичъ.

— Я тоже думаю, что такой заемъ для васъ невыгоденъ. Опять онъ требуетъ ду-

бликать и деньги даетъ не всею сполна, а на полторы тысячи различнымъ товаромъ.

Лице генеральши приняло чрезвычайно серьезное и сухое выраженіе. Абрамъ Осиповичъ видимо не успѣлъ.

— Я попытаюсь еще поискать, сказалъ онъ и сталъ вставать со стула.

Генеральша молча поднялась съ кресла.

— Желаю здоровья Вашему Высокопревосходительству.

Абрамъ Осиповичъ откланялся. Еще не успѣла затвориться за нимъ калитка, какъ вѣдѣ ему послышалось восклицаніе: „жидъ“!

Абрамъ Осиповичъ сдѣлалъ видъ, что онъ не слыхалъ восклицанія.

Генеральша въ волненіи стала ходить взадъ и впередъ по террасѣ, Абрамъ Осиповичъ волновался, сидя въ одноконной колясочкѣ.

Генеральша, впрочемъ, была взволнована гораздо болѣе Абрама Осиповича. Пять тысячъ, въ которыхъ она такъ нуждалась, были для нее вопросомъ жизни или смерти, или правильнѣе: жизни или кошелька. Юль былъ на исходѣ, Августъ долженъ былъ промелькнуть незамѣтно, а Сентябрь требовалъ очень многого.

Нуженъ былъ экипажъ, лошади, опера и многое другое для поддержанія знакомства, для блистанія въ свѣтъ. Ресурсы-же генеральши были крайне мизерны. Деньгами она располагала самыми незначительными, т. е. незначительными по отношенію къ той жизни, которую она думала вести въ Петербургѣ. У нее было свободныхъ денегъ до шести тысячъ, да въ запасѣ деревенька, могущая быть въ крайности проданною за долги тысячъ за восемь. Все, чѣмъ богата была генеральша—это надеждами на будущее. Къ сожалѣнію, и эти надежды сопряжены были съ расходами, съ неизбежными расходами.

Выше мы уже говорили, что въ погонѣ за средствами генеральша натолкнулась на богатѣй князей, проживавшихъ каждое лѣто въ своемъ имѣніи, по сосѣдству съ нею. Она сообразила, что запалать имѣнія князей въ свои руки весьма и весьма отрудно, а глав-

ное и возможно. У князей была дочь, воспитывавшаяся въ институтѣ. По слухамъ, дочь эта была похожа на отца, а такъ какъ отецъ нѣсколько походилъ на смертный грѣхъ, то шансы генеральши увеличивались. Отсюда получалось именно слѣдующее: княжна не могла произвести фурора въ обществѣ. Являясь не звѣздой первой величины по красотѣ, она, само собою разумѣется, не могла имѣть десятковъ спутниковъ. Сынъ генеральши, Николай, напротивъ, походилъ на свою мать и лицомъ и разумѣніемъ. Его красота могла плѣнить княжну, а что онъ не посмотритъ на ее безобразіе, зная какиѣ количество различныхъ государственныхъ бумагъ сопровождается это безобразіе—въ этомъ она не сомнѣвалась. Генеральша хорошо понимала, что два одинаково безобразно-длинные носа у бѣдной и богатой дѣвушки советѣмъ не одно и тоже. И носъ бѣдной можетъ и *долженъ* вызвать наемѣшку, тогда какъ носъ богатой только *внушитъ уваженіе* къ своей солидности. Сынъ Николай вполне раздѣлялъ мнѣнія своей матери. Въ этомъ отношеніи они были близнецы.

Княжнѣ оставалось пробыть въ институтѣ около девяти мѣсяцевъ, затѣмъ, по выпускѣ оттуда, мѣсяца полтора прожить въ Петербургѣ, а тамъ лѣто провести въ деревнѣ, по сосѣдству съ генеральшею и ея сыномъ. Планъ былъ начертанъ весьма удачно, и только оставалось достать пять тысячъ—поддержать себя въ теченіи какихъ-нибудь девяти-десяти мѣсяцевъ. Вотъ это пять тысячъ, какъ кладъ, и не давались генеральшѣ. О продажѣ деревни нельзя было и думать, такъ какъ именно съ этою деревнею крѣпкими узами связывалась главная часть плана; о закладѣ мечтать тѣмъ болѣе, ибо заложенное, что потерянное. Генеральша съ удовольствіемъ дала-бы по пяти

процентовъ въ мѣсяцъ, но на такой малый процентъ не шли люди нашего промышленнаго вѣка. Абрамъ Осиповичъ ломилъ страшную цѣну, на которую согласиться не представлялось никакой возможности, а, между тѣмъ, Абрамъ Осиповичъ былъ почти единственнымъ лицомъ, которое снабжало ее деньгами „подъ вексель“.

„За пять тысячъ въ годъ, дать шесть тысячъ процентовъ, это ужасно!“ восклицала генеральша и въ волненіи ломала себѣ руки. То есть, собственно говоря, вовсе не ломала, а такъ, вложивъ пальцы правой руки въ лѣвую, выворачивала вверхъ ладони, отчего суставы слегка похрустывали. Я употребилъ этотъ терминъ потому, что онъ вообще употребляется въ этомъ случаѣ, ибо истинное ломаніе у насъ выражается иначе и различно, смотря по обстоятельствамъ; такъ, говорятъ: „попаль рукою въ машину“, или: „упалъ изъ четвертаго этажа прямо на руку“.

„Согласиться или нѣтъ?“, разсуждала между тѣмъ генеральша и волненіе ее усиливалось. „Нѣтъ, это было-бы безуміемъ“, отвѣчала она сама себѣ. И дѣйствительно, задолжать одиннадцать тысячъ, имѣя для обезпеченія долга не свыше восьмидесяти тысячъ имѣнія, было-бы безуміемъ. Генеральша, вообще, любила заглядывать въ будущее. Будущее-же, въ случаѣ неудачи, не представлялось радужнымъ. Имѣніе, проданное съ молотка, могло разстроить карьеру сына да и непременно разстроило-бы. Подрастающимъ дѣтямъ это тоже не было-бы радостнымъ предвѣстникомъ. Чувство матери заставляло быть благоразуміемъ. Генеральша долго еще ходила взадъ и впередъ по террасѣ, затѣмъ сильно позвонила, приказала подать себѣ одѣваться, послала за извозчикомъ и, черезъ полчаса, катила въ городъ.

ГЛАВА II.

Г у в е р н а н т к а.

Серафима Николаевна Синецкая, какъ я уже сказалъ, „дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей“, имѣла отъ роду девятнадцать лѣтъ. Читатель нашъ приученъ къ тому, чтобы ему непремѣнно описывали дѣйствующихъ лицъ въ романахъ или повѣстяхъ, а потому, nolens-volens, приходится сообщить нѣкоторыя примѣты Серафимы Николаевны. Ростъ нѣсколько выше средняго, волосы густые каштановые, лице бѣлое, носъ прямой, глаза сѣрые, особыхъ примѣтъ не имѣетъ. Не знаю, удовольствуется-ли читатель этимъ описаніемъ, но больше мы ничего не можемъ сказать о нашей героинѣ. Она такъ еще молода,—отъ нее еще вѣетъ школьною беззаботностію. Жизнь съ ея испытаніями и лишеніями не успѣла еще наложить рѣзкихъ чертъ на это милое, свѣжее личико. Сѣрые глазки изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ свѣтились веселостію и беззаботностію. Какъ не былъ простъ ея нарядъ, но отъ него вѣяло самымъ школьнымъ кокетствомъ. Здѣсь не было вздернутого платья—ради маленькой ножки, не было шикарно открытыхъ плечъ, прикрытыхъ небрежнымъ ганзу, или до половины обнаженной груди съ стыдливо высывающимся изъ-за лифа modesti. Нѣтъ; здѣсь все кокетство заключалось въ розовомъ бантикѣ, приколотомъ къ воротничку, или лишенію оборочкою на платьѣ, или скромнымъ бархатцомъ на лифѣ.

Читатель не легко нынѣ мирится съ такими героинями; но, что дѣлать, у меня въ запасѣ именно такая скромная, добрая и, пока-что, ребячески-наивная героиня.

Отецъ Серафимы Николаевны, если-бы былъ живъ, то имѣлъ-бы отъ роду семьдесятъ лѣтъ, ибо въ то время, когда роди-

лась Серафима Николаевна, ему было 51 годъ. Мать умерла въ родахъ, и Серафима Николаевна встрѣтила жизнь на половину сиротою. Отецъ ея былъ военный, имѣлъ чинъ капитана, и находясь въ отставкѣ „за ранями“, полученными въ кампанію 28 года, досталъ мѣсто управляющаго имѣніемъ у бывшаго своего полковаго командира, генерала фонъ-Даудерштедта.

Имѣніе, въ которомъ родилась Серафима Николаевна, лежало на югѣ, въ Курской губерніи, по рѣкѣ Сейму. Рѣка Сеймъ одна изъ самыхъ капризныхъ и прихотливыхъ рѣкъ. Руслѣ ея извилисто; берега то круты, то отлоги, то широко разступятся они въ обѣ стороны, то сожмутъ несчастную рѣку въ свои объятія, обративъ ее изъ величаво текущей рѣки въ жалкую рѣченку, по которой куры ходятъ въ бродѣ. Тамъ, гдѣ лежало имѣніе фонъ-Даудерштедта, рѣка Сеймъ представляла самое живописное мѣсто. Берега были высоки и обрывисты, широкая рѣка устья была мелкими прихотливой формы островами, поросшими то мелкимъ кустарникомъ, то грандіозными ивами, съ ихъ нависшими надъ рѣкою вѣтвями. Рѣка была свѣтлая; песчанное дно ея то вдругъ свѣтилось изъ воды, то снова пропадало и гдѣ-нибудь далеко опять выбрасывало острую, свѣтло-желтую полосу, на которой копошилась рѣчная птица.

Барскій домъ стоялъ на высокомъ берегу и терраса его выходила какъ-разъ надъ обрывомъ. Домъ былъ каменный, выстроенъ не затѣйливо, но прочно. Его окружалъ съ трехъ сторонъ тополевы садъ. Тополі были гиганты. Взбросивъ высоко вверхъ свои треугольныя узкія верхушки, съ своими предестниными, сверху темными, снизу серебряными

листьями, они при малѣйшемъ вѣтрѣ трепетали и, обливаемые горячими лучами южнаго солнца, отливались „серебромъ и чернью“.

Домъ стоялъ уединенно. Въ сторонѣ за садомъ начинались различныя службы, находился огромный скотный дворъ, затѣмъ шелъ большой дворъ, окруженный небольшими домиками, гдѣ жила вся дворня. На дворѣ, на высокихъ шестахъ висѣли всевозможныя рыболовные снаряды. Рѣка была наполнена рыбою и особенно въ этомъ мѣстѣ славилась своими карасями.

Деревни были удалены отъ дома, и самая близкая изъ нихъ лежала не менѣе какъ въ трехъ верстахъ отъ него.

Въ этой-то нѣсколько дикой и совершенно уединенной обстановкѣ Серафима Николаевна родилась и провела одиннадцать лѣтъ своей жизни.

Генераль фонъ-Даудерштедтъ никогда не жилъ въ своемъ имѣніи, и барскій домъ былъ весь на запорахъ, за исключеніемъ маленькаго мезонина, въ которомъ было всего три комнаты, гдѣ и помѣщался капитанъ Синецкій со своею дочерью. Одна комната была дѣтская, другая служила столовою, гостинною, заломъ, словомъ все, чѣмъ хотите, а третья вмѣщала въ себѣ кабинетъ хозяина и контору по управленію имѣніемъ. Конторскія книги велъ отставной унтеръ-офицеръ Деменко, старикъ, ровесникъ капитана, котораго Синецкій всегда отличалъ за его честность и расторопность. Самъ капитанъ книгъ вести не могъ, ибо правая рука его была прострѣлена на вылетъ пулею.

— И какъ странно это случилось, рассказывалъ капитанъ: огорошилъ я турку въ бритую башку моею саблею, онъ полетѣлъ внизъ лицомъ; я замахнулся было докончить нехриста, а онъ, подлецъ — чтобы ему не видать своего Магомета — падая, спустил курокъ у пистолета. Пуля — дура! Хлопъ прямо въ руку и на вылетъ. Кровь брызнула, хотѣлъ я зажать пальцемъ, а палецъ-то насквозь прскочилъ. Такъ это меня взорвало,

что не зналъ я, что ему сдѣлать, и со злости далъ ему пинка ногою. До сихъ поръ этого пинка простить не могу. Нечестно питать полумертваго!.. Последнюю фразу капитанъ произносилъ всегда растроганнымъ голосомъ, въ которомъ звучала нота глубокаго раскаянія.

Въ кормилицы Серафимы Николаевны была взята молодая дѣвушка, брошенная „по службѣ“ солдатикомъ. Солдатикъ стоялъ на постой, соблазнилъ, съюбился, а затѣмъ, когда вышелъ приказъ выступать, онъ и выступилъ. Много срама натерпѣлась бѣдная дѣвушка, да много и побоевъ приняла. Ребенокъ у нея родился худой, неживущій, и на третій день отдалъ Богу душу. Деменко надоумилъ растерявшагося отъ внезапной смерти жены капитана, что для дочери нужна кормилка, тотъ махнулъ рукою, и Деменко пристроилъ „солдатское согрѣшеніе“ къ господскому дому.

Кормилица Серафимы Николаевны, избавленная такимъ образомъ отъ постоянныхъ покрововъ и попрековъ родни и отъ насмѣшекъ деревенскихъ парней, заплатила глубокою преданностью избавителямъ и сердечною любовью своей новой дочери. Дворяне не смѣли точить язычковъ на ея счетъ, ибо капитанъ былъ хотя и очень добрый человѣкъ, но, проведя всю свою жизнь въ строгой солдатской школѣ, былъ самъ строгъ и любилъ дисциплину.

— Плачешь, а порешь, потому — дисциплина прежде всего, говорилъ онъ.

Капитанъ дѣйствительно поролъ со слезами на глазахъ, и самъ присутствовалъ при всякой экзекуціи.

— Ты его хорошенько! кричалъ онъ, утирая слезы.

— Подбавь, подбавь, говорилъ онъ, сдерживая рыданія.

Вотъ среди этихъ-то людей и среди этой обстановки и протекло дѣтство Серафимы Николаевны.

Само собою разумѣется, что ее удаляли даже отъ случайнаго созерцанія вѣхъ этихъ „трогательныхъ“ пороковъ; но для меня важ-